

ДВУХЪ-АРИШИННЫЙ НОСЪ.

- Ну, извощикъ, теперь мы съ тобой выѣхали на просторъ: за рогаткой не будетъ ъзды такой, какъ въ городѣ, и разговориться тебѣ свободно: сказывай же!

- Да что, батюшка баринъ, что вамъ сказывать-то? Житье-бытье наше извѣстное - не барскому чета, а Бога гнѣвить нечего, жить можно.

- Оброку что платишь?

- Оброку - да оброку-то, виши, многонько платимъ; оно бы и ничего, кабы его добыть можно, а то, того гляди, поворотять тебя на работу, а въ дому-то и худо будетъ. Оброку чистаго платимъ мы съ тягла - сперва было сто-пятьдесятъ рублей, а теперь пошло на серебро, такъ положили сорокъ-пять цѣлковыхъ.

- И ужь больше нѣть повинностей никакихъ?

- Опричь того, три дня работы съ сохой, три дня жать, три дня косить, три дня сѣно грести да хлѣбъ перевозить на

барское гумно, да три дня молотьбы, да опять хлѣбъ въ городъ свозить - вотъ эта гоньба одолѣла нась, что стоянки за нею много - ну, да еще зимой двѣнадцать возовъ дровъ привезти изъ лѣсу, да десять рублевъ караульныхъ, на усадьбу, за сторожей; а тамъ, казенное подушное внеси, да и ступай, куда хошь.

- А много ль это всего, по вашему счету, на деньги будеть?

- Да на деньги, батюшка, коли то есть кто домой не ъдетъ круглый годъ, ужь чтобъ хозяйки его не обижали, нанимаетъ за себя, на все, - такъ сходить никакъ по двѣсти по двадцать ассигнаціями, и по тридцать. Все бы это ничего, кабы хоть ужь земля была - знали бы за что платимъ - а то землей мы больно обижаемся.

- А что, не хороша земля у васъ?

- Да ужь чего, хороша, батюшка: это извѣстно, Божье дѣло, не наше; какова ни есть, такову и паши; да пахать-то нечего: всего по двѣ мѣрочки посѣву - вотъ что.

- Видно, плохо унавоживаете, то есть позему мало кладете?

- Э, баринушко, одной женой да одной коровой десятины не обрядишь, хоть что хошь дѣлай. Извѣстно, были бъ луга, держали бъ скотинку; ань ихъ нѣть, ничѣмъ ничего, и сѣно купуешь. Да кабы еще не казенный лѣсъ, такъ хоть трубу закутай, на круглый годъ, и дыму бъ не понюхалъ дома: лѣсъ у барина заповѣдной, что добудешь въ казенномъ бору, то и горить. Порядки-то нынѣ пошли виши какіе, большіе, что проходишь да проѣздишь за выпрѣвкой, такъ ино и полно того не стоитъ; ну, а слава Богу, Бога гнѣвить нечего, все живется; что ни сорветъ лѣсной, а все безъ тепла не живемъ.

- Ну, и слава Богу, это, стало быть, ладно; теперь сказывай, какъ живешь у хозяина, почемъ, что зарабатываешь, да какова бываетъ удача.

- Да это, баринъ, извѣстное дѣло, нанялся - продался; семь дней работать, а спать на себя. Хозяинъ платить рублевъ двадцать въ мѣсяцъ, кормить, даетъ верхнее платье; съѣздишь въ день - да не равно, какъ Богъ дастъ: на три, на пять и на

десять ину пору, въ праздникъ, ассигнаціями то есть; за счастливымъ поѣдешь боронить по улицамъ, не зѣвай только, и посадишь, какъ разъ; только свалилъ его - другаго; а не задастся, такъ безъ почину домой пріѣдешь, и то бываетъ; либо и того хуже, какъ полубаринъ какой нибудь ъздить, ъздить цѣлый день, лошадь замучить, надо бы съ него получить рублей пять, а онъ соскочить гдѣ нибудь: сейчасъ, братецъ, - да въ проходной дворъ и шмыгнеть; вотъ и ищи его! а тутъ еще простоишишь, да прождешь его часа два....

- Ну, а почему же хозяинъ учтеть тебя: можетъ статься, ты обманешь его?

- Зачѣмъ обманывать, баринъ! Разумѣется, кто этого не боится - пожалуй, на то воля; да вѣдь ужъ этакой долго не наживеть у хозяина, а новый ужъ того жалованья не положить тебѣ, что старый. Вѣдь они дѣло это знаютъ. Самъ утаишь, такъ лошадь скажеть: вѣдь онъ видить, сколько то есть умучена она; опять же выйдеть посмотрѣть, какъ она ъсть. А конь, бываетъ, стоитъ, повѣшивъ голову, а

ты съ недовыручкой, такъ вотъ онъ и знаетъ. Хозяинъ кладеть кругомъ свой расходъ, на содержаніе, съ квартирой, съ харчами, съ ковкой, со всѣмъ, какова цѣна бываетъ на овесь, рубля три, и поменьше и побольше, на чай, на калачъ, хоть гриненникъ, хоть ину пору и два, это самъ хозяинъ велить: вѣдь мы обѣдаемъ ночью, какъ домой прѣдемъ. Ну, а ужь коли отъ тебя виномъ несетъ, такъ никакой выручкѣ не повѣрить, этого не любить. Вотъ ужь развѣ какъ самъ ину пору загуляетъ - ну, тогда и всѣ пошли, и нашего брата не удержишь. Тогда онъ, сердечный, какъ придетъ домой, а подъ шапкой - то есть - пойдетъ на конюшню, осмотрить лошадей, глянетъ на ребята, что тоже есть хмѣльные - покачаетъ только головой: «ну, говорить, гуляй, ребята, покуда я гуляю; а вотъ ужо я васъ приму въ руки.... какъ бросимъ пить....» такъ опять и пошелъ по хозяйству, по прежнему, и даромъ что гуляль, а все знаетъ, все помнить, попрекнеть каждого всѣмъ, что было.

Если, примѣромъ сказать, какой грѣхъ случится надъ нашимъ братомъ, то хозяинъ въ счетъ ставить, вычитаетъ. Вотъ я возилъ разъ барина въ Парголово, а оттуда ѿхалъ ночью; грязь, темь, хоть глазъ выколи; пьяные чухны всю дорогу заставили - я и свалилъ дрожки въ канаву; бился, бился, не подыму одинъ, хоть надорвись; попросиль чухонца - онъ, спасибо, пособиль, да въ потьмахъ возжи и украль. Туда, сюда - нѣть; а возжи ременныя, плетеныя. Хозяинъ десять рублей и вычель! Въ другой разъ я, не знамши, арестанта посадилъ, изъ госпиталей. Такъ ужъ тутъ не до того было, чтобъ съ него что взять, а насилиу отъ него-то ушель: поймаютъ - за тобой еще пуще погонятся, чѣмъ заnimъ; съ него-то нечего взять. Нашъ братъ этого то и боится. Иной смѣлый лихачъ вонь и съ мазуриками ѿздитъ по ночамъ, на хропокъ: двадцать-пять и пятьдесятъ рублей за ночь получаетъ - да нѣть, эта пожива плоха: у насъ былъ одинъ такой - пропалъ; подѣхали къ часовому мастеру, высмотрѣли, мазурикъ соскочилъ, да двери

въ сѣняхъ приперъ полѣномъ, взяль изъ саней такую рукавицу, съ гирей, пробилъ цѣльное окно, что захватилъ часовъ въ охабку, сорвалъ, на сани, да и удралъ. Мастеръ кинулся къ дверямъ, покуда догадался, что приперто, да побѣжалъ кругомъ, черезъ дворъ, а тутъ ужъ и слѣдъ простылъ. Однако, въ тѣ поры было, видно, такое время, что ловили ихъ, то есть по строгости, и поймали какъ-то, и пропалъ нашъ лихачъ, что слуху по немъ не стало.

Кто у колоды стоять, на хорошемъ мѣстѣ, да дешево не возить, тому невпримѣръ легче нашего брата. Лошадь у него сыта, меньше четвертака, а иной и полтинника, онъ ее и съ мѣста не тронеть; съѣздить разъ, другой - на тоже наведеть. Еще нашему брату по гривенникамъ того и не сколотить.

- Ну, любезный, а какія жь еще бывали съ тобой напасти?

- Отъ этого не уйдешь, известное дѣло, хоть какъ хочешь раскидывай умомъ. Есть, спасибо, добрыхъ людей на свѣтѣ довольно. Богъ съ ними! все жить можно.

Вотъ разъ, ъду на острову, около Никольского; баринъ какой-то, ужь не молодой, и кресть на шеѣ, - накупивши полный платокъ апельсиновъ, нанялъ и поѣхалъ. Я ъду да ъду - и не вдогадъ мнѣ, что народъ смотрить на сѣдока моего, ровно не видаль его; вдругъ апельсины тѣ съ дрожекъ покатились - я оглянулся, а баринъ, ровно хмѣльной, голова мотается и самъ съ дрожекъ ползеть. Испугался я, остановилъ лошадь, соскочиль, не знаю, апельсины ль собирать, его ли придерживать - я къ нему, а онъ ужь Богу душу отдаеть.... Такъ вотъ у меня ноги и подкосились: бѣда! Нечего дѣлать, повезъ я его прямо въ часть, спасибо не далече было; привезъ его чуть живаго, тутъ и померъ. Ну, и посадили меня: не такъ жаль себя, какъ сердешной лошади, - ужь такъ жаль, такъ жаль, что индо плакаль, ей Богу.... вотъ такъ вовсе замучили ее, такие живодеры! кормить не кормятъ, а гонять гоняютъ, зря, кто куда попало.... Ахъ, ты Господи Боже мой, что ты будешь дѣлать? вотъ бѣда пришла! Сижу; а меня только и

выпускаютъ за тѣмъ, чтобы виши навозъ подгребать вокругъ лошади своей.... Побойтесь вы Бога, говорю, какой тутъ навозъ будеть: скотина другія сутки не ъвши, то есть вотъ хоть бы тебѣ зерно дали, былинку одну.... Какъ вывели меня на дворъ да взглянуль я на нее сердешную, такъ вотъ я тебѣ и залился слезами: крюкомъ согнуло ее, кормилицу мою; сама стоять да изъ навоза-то и теребить соломку.... я такъ вотъ и взвыль: что хотите дѣлайте, и дрожки возьмите, и кафтанъ съ меня возьмите, говорю, только меня съ нею отпустите! Вотъ въ тѣ поры и пропала таки лошадка эта у меня, не выходилъ ужъ я ее, пала. Я и остался безъ рукъ. Нечего дѣлать, пошелъ опять къ хозяину, на чужихъ ъздить.... А ее и татарамъ не продаль, вотъ что, пожалѣль....

- А отъ своей у тебя много ль больше оставалось на очистку, чѣмъ отъ хозяина?

- Какже можно ровнять это! все таки своя лучше. Отъ своей закладки, кого Богъ благословить, иной годъ двѣсти-пятьдесятъ

и триста рублей ассигнациями на очистку выйдеть. Ну, извѣстно, надъ кѣмъ бѣда встрысется, воть хоть бы какъ надо мной, что пропала лошадка, ни за грошъ, - ну, ужь тутъ не до барышей: не до жиру, а быть бы живу. Оно, конечно, все ничего, жить можно, поколѣ Господь грѣхамъ нашимъ терпить, Бога нечего гнѣвить, лучше молчать. Вонъ у насъ сосѣдъ есть, тоже помѣщикъ называется, такъ семерыхъ въ одинъ кафтанъ согналъ - и то живутъ, да еще и пѣсни поютъ - воть какъ. Мало ли, на свѣтѣ не безъ того, есть всякая обида, да нашему брату надо терпѣть. Воть у насъ ину пору, напримѣръ, номерной староста кого вздумаетъ прижимать, коли изъ чести не дашь ему полтинника за выправку нумера: такъ чѣмъ ему взять? Воть онъ и пойдетъ наряжать тебѣ разъ въ разъ, какъ требуютъ извошика въ часть, глядѣть, когда надъ нашимъ братомъ расправа бываетъ, за какую провинность; воть онъ и наверстаетъ тебѣ на тоже, и полтиннику не радъ будешь, а того гляди, безъ хлѣба останешься. Или воть городовой - ну,

свезти бы его въ часть съ пьянымъ какимъ, что ли, это бы можно, ничего; такъ вѣдь тамъ-то стоишь послѣ, стоишь, уѣхать не смѣешь, покуда не отпустятъ, либо еще номеръ отберутъ: вотъ и находишься послѣ за нимъ. За то ужь нашъ братъ знаетъ это: какъ только завидѣлъ его гдѣ, что оглядывается, то вотъ какъ зайцы изъ-подъ облавы, всѣ врознь, кто куда попало, только давай Богъ ноги.... ну ужь за то, какъ оплошаешь да попадешься, такъ только держись.... А все ничего, слава Богу, то есть нечего Бога гнѣвить, жить можно.

- А рекрутство какъ у васъ идетъ?

- Да мы, благодаря Бога, некрутствомъ не обижаемся: у нась хорошаго мужика не отдать баринъ ни за что, хоть сто лѣтъ живи; а вотъ какъ чуть который зашалитъ, такъ ему и забрѣютъ лобъ взачеть, запасъ и есть; а наборъ пришелъ - квитанціи у барина готовы. А тамъ, у нихъ, есть чередной, хоть жеребьевой, все одно: и очередь и жеребій, все въ волѣ Божьей да въ рукахъ начальства. Есть у меня тамъ

кумъ, богатый мужикъ, да изъ-за этого самаго дѣла вотъ того гляди по міру пойдеть: извѣстно, всякому своего жаль, мы того не разбираемъ, что и другому своего жаль: кошкѣ котя, а княгинѣ ребя - тоже дитя. Ну, какъ только наборъ скажутъ - а семья у него большая - такъ онъ и пойдетъ хлопотать; разъ усадилъ сотню другую невѣсть куда, и въ другой разъ, а въ третій ужъ никакъ сотъ семь. Другіе, извѣстно, обижаются этимъ, ходять, просятъ, ярыжекъ зазываютъ, потчуютъ, задариваютъ, напиши, то есть просьбу; ну, тотъ, извѣстное дѣло, что богаче мужикъ, что больше съ него надѣется вымозжить, то и просьбу длиннѣй пишеть и настрочить тебѣ въ просьбу то, чего и сроду не бывало, а можетъ статься, коли и было что, такъ вѣдь не обмотавъ вокругъ пальца не докажешь. Вотъ и стала виновать. Одного потянули, другаго потянули, всѣ перепугались, такъ что бѣда. За кого тутъ взяться? извѣстно, за богатаго. Опять принялись за моего кума сердешнаго, да такъ то есть обработали его, что никуда не

годится. А что проку? Годъ прошель, опять сказанъ наборъ, опять дѣло его не минуетъ; отбыть ужъ и не стало силь; раззориться разорился въ раззоръ, а року не миновалъ: среднему сыну-таки забрили лобъ.

- А у тебя изъ родни есть кто въ солдатахъ?

- Есть братъ, да не родной. Ну, нечего грѣшить, его-таки отдали за дѣло: за свою правду сталъ, да уже задоренъ больно: вотъ хоть съ кѣмъ, такъ на драку готовъ. Отобрали, виши, конопляникъ у него, что ужъ годовъ съ двадцать все владѣль и наземомъ поправляль, а отвели другой, почитай, что кочкарникъ, обдѣлывай дескать снова. Ну, вотъ онъ тутъ за свою обиду и постояль да вилами всю одежду перепороль на томъ мужикѣ, за котораго, съ барскаго двора, отъ самого то есть господина, дѣвку отдали, а за нею и конопляникъ этотъ пошелъ, какъ будто то есть въ приданое. Пришелъ самъ прикащикъ унимать, - ну, а братъ стоять себѣ съ вилами на сторонѣ, насторожѣ, на

своемъ конопляникъ, никого, говорить, не пущу, хоть что хошь дѣлай. Прикащикъ къ нему, да то есть чтобы въ зубы его, а тотъ его по лбу вилами, да на нихъ же подняль, да черезъ тынъ и махнуль; тотъ насилиу всталъ, словно бока отлежаль. Вотъ оно какое дѣло было. Ну, баринъ и осердился и приказалъ тотчасъ его сдать. Какъ сказали ему, что въ солдаты, такъ онъ и бросиль вилы и пошелъ самъ, говорить: «Вилы какъ не смѣнить на государево ружье; пойду самъ, и никого не затрону, не опасайтесь.» Ну, и пошелъ; живеть себѣ, ничего, служить не тужить; онъ прошлаго года писаль домой, такъ пишеть, что, благодаря Бога, жить можно на свѣтѣ. Оно и точно, сударь, можно, поколя Господь грѣхамъ терпить.

- Ты помянулъ, однако жь, про двухъ покойниковъ, которыхъ возиль, а рассказалъ только про одного: какой же такой былъ у тебя другой?

- А другой, батюшка, баринъ, былъ вотъ какой: на Маслянѣ посадиль я подъ качелями двоихъ плотниковъ, что ли,

какихъ-то, и везти было ихъ въ Ямскую. Оба они, правда, хмѣльны были, а одинъ такъ ужъ и вовсе ноги волокъ. Товарищъ втащилъ его, усѣлись, поѣхали. Въ Чернышовомъ переулкѣ вдругъ что-то у меня развалились сѣдоки, а сидѣли было сперва смирно; я оглянулся, одинъ глаза подъ лобъ закатилъ, а другой, соскочивъ съ саней, да давай Богъ ноги, - видно, со страху и хмѣль прошелъ, - такъ по Садовой и пустился. Гнаться мнѣ за нимъ нельзя, а, испугавшись бѣды, я остановилъ лошадь, поглядѣлъ на товарища его - ничего, моль, Богъ милостивъ, видно больно хмѣленъ, отойдетъ. Усадивъ его кой-какъ въ сани, я скорѣе до мѣста; тамъ ребята обступили, какъ сталь я доспрашиваться, гдѣ тутъ плотники живутъ. Посмотрѣли они на сѣдока моего, который уже весь подъ полсть сѣхалъ, узнали его въ лицо - это, говорятъ, Гришка, вонъ онъ гдѣ стоять, тамъ у него и хозяйка. Привожу туда, спрашиваю гришкину хозяйку; она было вышла, да какъ поглядѣла на него, какъ увидѣла, что не живой, а ужъ онъ у меня и

померъ въ саняхъ, такъ и откинулась: не принимаетъ, да и только, хоть ты что хоть дѣлай. - На что его мнѣ, говорить, ты, коли извощикъ, такъ живыхъ вози, а не мертвыхъ.

Я туда, сюда, народъ собрался, кричать, день же праздничный, кто говорить ей: прими, дура, вѣдь твой; кто кричить: не принимай, бѣда будетъ. Бился, бился, нечего дѣлать, повезъ въ часть.... видно такая моя доля! Наплакался я и этотъ разъ, и другу и недругу закажу покойниковъ возить: «Найди, говорять, да поставь намъ товарища его»; такъ гдѣ же я его возьму? «Ужь коли вы, господа, не отъищите его, такъ нашему-то брату гдѣ жь его взять? Вѣдь я посадилъ его на улицѣ, хлѣба-соли съ нимъ не важиваль, паспорта его не прописываль и на умѣ его не бываль, не знаю, куда онъ повернуль изъ Садовой, да куда удралъ; такъ, нѣть, говорять, подай: покуда его не найдемъ, и тебя не отпустимъ. Лошадь же моя была хозяйствская, такъ хозяинъ и хлопоталь; подержали съ мѣсяцъ и выпустили.

- А вотъ, баринъ, помянуль я про паспортъ, а вы про все распрашиваете, такъ къ пиву ъдется, а къ слову молвится, - къ слову пришлось разсказать вамъ: вотъ за паспортъ притча была со мной, такъ, чай, сколько свѣтъ стоитъ, ни съ кѣмъ этого не бывало. Слыхали ль вы когда, чтобъ у нашего брата быль нось не по чину, въ маховую сажень? Ну, такъ вотъ я же вамъ разскажу: диво, ей Богу да и только! Дѣло это было ужъ годовъ тому семь. Я оброкъ уплатилъ впередъ за годъ, Богъ пособиль, а у насъ безъ этого не пускаютъ, либо по третямы вноси, такъ и билетъ на четыре мѣсяца выдадутъ. Вотъ я и взяль паспортъ годовой и пошелъ, ни о чемъ не горюя. Въ тѣ поры поднялись мы, человѣкъ пять, сколотившись деньжонками, въ извозъ; товаръ клали недалече отъ себя, а везти было въ Москву. Въ одномъ городишкѣ - и на городъ-то не похожъ, хуже иной деревни - пошелъ одинъ изъ пѣшихъ прописать паспорты, и, видно, прописывали по строгости, что недавно, виши, насланъ быль новый городничій, а стараго смѣнили;

приходить - все ничего, и не впервые ужъ прописывались, даже не разъ становые и прочее начальство глядѣли. Ну, извѣстно, не безъ того, за прописку возьмутъ съ тебя и отпустятъ; а тутъ, вотъ кака притчасталась:

- Гдѣ у васъ Алексѣй Федотовъ?
- При людяхъ остался.
- Пошли его сюда.

Прибѣжали ребята и кричать меня. Я пошелъ.

- Ты Алексѣй Федотовъ?
- Я, моль, сударь.
- А зачѣмъ ты съ чужимъ паспортомъ ходишь?
- Я, моль, не знаю, сударь, какой изволите казать паспортъ, а у меня, надо быть, свой быль.

- Нѣть, врешь, примѣты не твои. Посадить его подъ караулъ!

«Вотъ тебѣ и расправа! А тутъ, батюшка, вотъ кака бѣда прикрутилась: извѣстное дѣло, въ паспортѣ супротивъ примѣть писаря выставляютъ, какъ положено: ростъ - два аршина шесть

вершковъ; лицо - круглое; волоса - русые; носъ - средній; подбородокъ - обыкновенный; а, видно, писаришко-то у насъ либо хмѣленъ быль, проклятый, либо не дogleядѣль, да противъ росту, поставилъ: средній, вмѣсто носу; а противъ носу - два аршина шесть вершковъ! Вотъ тебѣ и примѣта!

«Узнавъ все это, я и говорю:

- Помилуйте, не погубите, не держите, наше дѣло дорожное: намъ сутки простою съ лошадьми дороже головы.... помилосердуйте!

- Нѣть, говорять, паспортъ не въ порядкѣ, нето фальшивый либо чужой.

- Чѣмъ же я виновать тому, что мнѣ тамъ прописали? Я человѣкъ не грамотный, взялъ, что подали - только и вины моей. А что носу такого нѣть у меня, батюшка, такъ гдѣ жь его взять? Вѣдь это хоть по всему свѣту пройти, такъ такой не найдется! Шутка, чтобы носъ у тебя быль въ два аршина, въ шесть вершковъ! Эка шутка!

«Вотъ какъ, батюшка, баринъ, и нось этотъ, по строгости тогдашней и по новости городничаго, дорого намъ обошелся....

«А все, слава Богу, нечего гнѣвить Его милосердіе, жить нашему брату можно. Какая бѣда хоть и станется надъ нами, подъ лихой часъ, все по грѣхамъ нашимъ; а поколѣ Господь грѣхамъ терпитъ, все жить можно.